

Dissident Histories in the Soviet Union: From de-Stalinization to Perestroika. Bloomsbury Academic, May 2019.

Barbara Martin

Барбара Мартин

Curriculum vitae

- 2019 - по настоящее время:
научный сотрудник университета
Базеля, проект *Finding Faith in an
Atheist Land: Russian Orthodox
Intelligentsia and the Late Soviet
National-Religious Revival*
- 2017-2018: Высшая школа
экономики / Исследовательский
центр Восточной Европы при
Бременском университете

Curriculum vitae

- 2011-2016: докторантура в Женевском институте международных отношений и развития “Filling the ‘Blank Spots’ of the Dark Pages of our History”: Dissident Historians’ Underground Accounts of the Soviet Past (1956-1985)”

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

The Sakharov-Medvedev Debate on Détente and Human Rights From the Jackson-Vanik Amendment to the Helsinki Accords. *The Journal of Cold War Studies*, 2021

["Мы перепечатывали все...": Православный самиздат и тамиздат в СССР 1970-х-1980-х годов](#)

Acta samizdatica/Записки о самиздате, 2020

[Roy Medvedev's Political Diary: An Experiment in Free Socialist Press](#)

Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 2019

[A selective silence: Leonid Brezhnev's Compromise over the memory of Stalin's crimes](#)

Truth, silence and violence in emerging states, 2018

[A struggle across the Iron Curtain: Soviet dissidents in exile in the 1970s](#)

Mobility in the Russian, Central and East European Past, 2019

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

[Soviet dissidents and the legacy of the 1917 revolutions](#)

Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia, 2019

[Between Scholarship and Dissidence: The Dissident Historical Collection Pamiat' \(1975–1982\)](#)

by [Anton Sveshnikov](#) и [Barbara M Martin](#)

Slavic Review, 2017

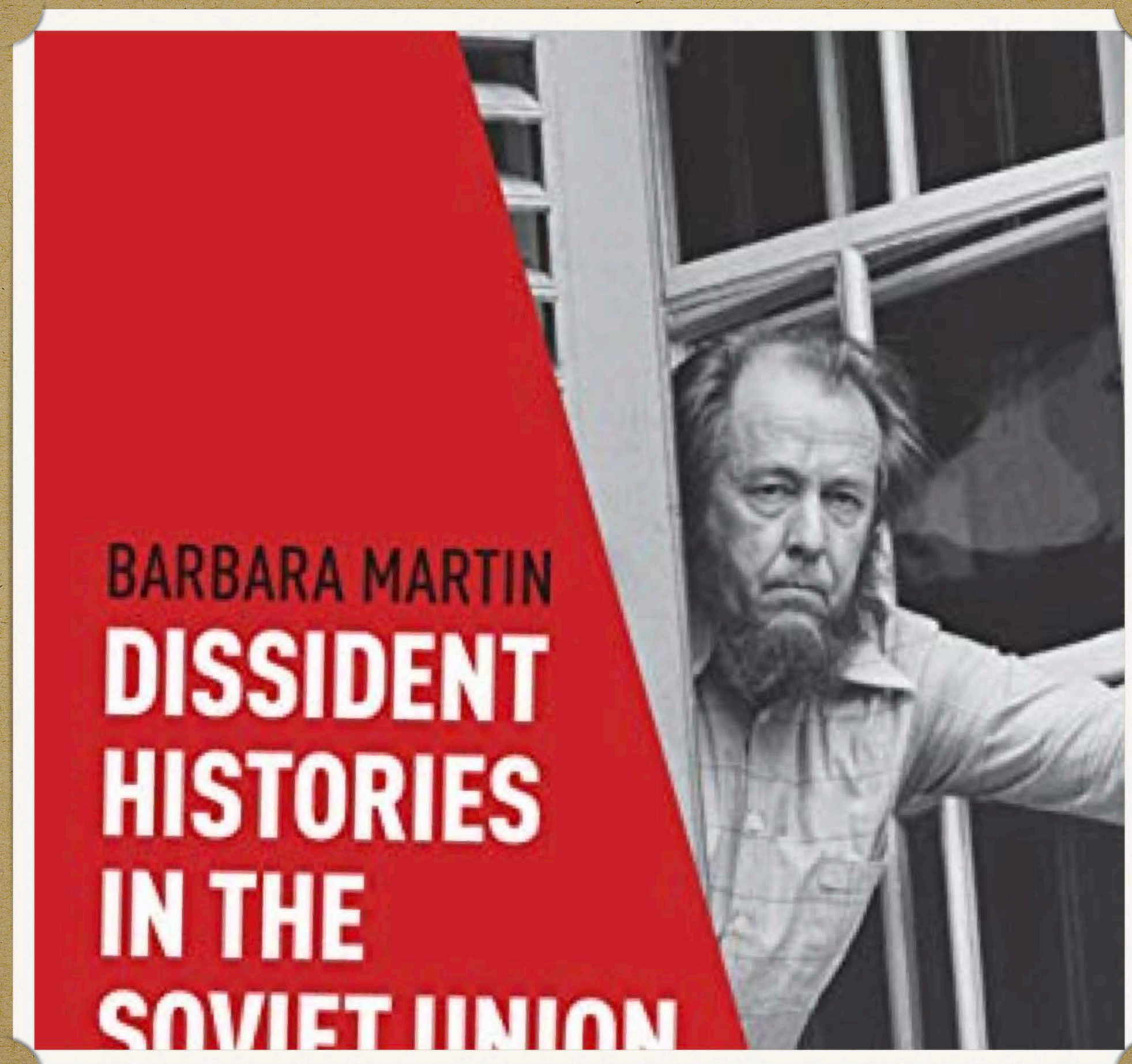
От XX съезда к "Архипелагу ГУЛАГ": Появление альтернативного исторического дискурса в советском диссидентском движении (1956-1975)

[History as Dissent: Independent Historians in the Late Soviet Era and Post-Soviet Russia: From " Pamiat' " to Memorial](#)

in: Ben Dorfman (ed.) "Dissent! Refracted. Histories, Aesthetics and Cultures of Dissent", 2016

[Исторический сборник "Память" : Исследования и материалы](#)

by [Barbara M Martin](#) et [Anton Sveshnikov](#)

Dissident Histories in the Soviet Union: From de-Stalinization to Perestroika. Bloomsbury Academic, May 2019.

Barbara Martin

XXII съезд как импульс для исторических исследований

By the 1960s, following the bolder de-Stalinization course launched by the 22nd Party Congress, professional historians, writers, and philosophers, had begun to study the so-called blank spots of Soviet history and to draw embarrassing conclusions.

Можно ли сказать, что толчком для исторических исследований недавнего прошлого стал именно XXII съезд? Какие события, тексты, дискуссии до 1961 г. можно назвать в ряду этих попыток заполнить «белые пятна», и чем они отличаются от тех, которые спровоцировал XXII съезд?

Были ли эти исследования новыми только по содержанию или также и с точки зрения подхода?

Какой термин был бы вернее для перевода того, о чем Вы пишете? «Историки-диссиденты», «диссидентство в историческом знании», «исторические исследования диссидентов», какой-то другой вариант?

Ваша книга заканчивается хронологией событий, значимых для развития диссидентства в области истории. В этой хронологии, замечательно сводящий рядом события, которые помогают увидеть то, о чем Вы пишете, есть несколько периодов, которые Вы пропускаете. Можно ли охарактеризовать периоды, наиболее значимые для Вашей темы?

О «ВЗАИМНОМ ОТЧУЖДЕНИИ»

The history of Soviet dissent has traditionally been studied through the deformative lens of Soviet repressive policies, portraying dissidents both as heroes and victims. **This research offers a new approach and characterizes the relationship between the authorities and dissident researchers as one of progressive mutual estrangement, conditioned both by a change in official policy and a radicalization of dissident discourse.** Initially, historical research on the dark pages of the Soviet past benefited from an incontrovertible legitimacy, born from the resolutions of two Party Congresses. However, as censorship tightened, and pro-Stalinist discourse became ubiquitous in Soviet press, **dissident researchers radicalized their discourse, greatly expanding on Khrushchev's limited critique, and eventually turned to the West to publish their works.** I argue that it was thus a **self-reinforcing dynamic of estrangement**, rather than a purely repressive policy, that turned these authors into dissidents.

Когда Вы пишете об усилившемся «взаимном отчуждении» между властными инстанциями и историками-диссидентами, Вы говорите о том, что это отчуждение было спровоцировано самими диссидентами, а не усиливающейся политикой репрессий. Кому Вы отвечаете, с кем Вы спорите, делая это утверждение? Оппонентам диссидентов 1970-х годов, упрекавших их за то, что они выросли из того, что было предложено партией, или современным исследователям?

Вопрос о реабилитации Сталина: связь между политическими процессами и историческими работами

In my analysis of the shift of the ideological line on the Stalin question in the early Brezhnev era, I also bring new nuances to this widely discussed question, on the basis of some new archival sources and testimonies. While the dissident narrative according to which Brezhnev had sought to rehabilitate Stalin generally went unquestioned in the West, **I draw attention instead to the conflicts between various factions within the leadership and to the ultimate role of Brezhnev as consensus-builder.**

Вы пишете о конфликте различных фракций в вопросе реабилитации Сталина и о роли Брежнева как политика, пытавшегося привести эти фракции к консенсусу. Каковы были эти фракции, каковы были вопросы, требовавшие консенсуса? Как эти конфликты, не видные историкам-диссидентам, влияли на их работу?

СВЯЗЬ МЕЖДУ ДЕЙСТВИЯМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПРОЦЕССАМИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

Nevertheless, I also understand the limitations of the term, which implies the existence of strict binaries, whereas the image of a continuum from loyalty to dissent would be more accurate. As Roger Markwick has pointed out in his study on Soviet revisionist historians, the more vocal dissent of such actors as Roy Medvedev or Aleksandr Solzhenitsyn emerged on the fertile ground of intellectual nonconformism of the 1960s.⁹ This research underscores this deep connection, by **showing the link between the action of dissident researchers and developments within Soviet intellectual life.** The figure of Aleksandr Nekrich, a nonconformist professional historian, conveniently bridges these two worlds. **The “Nekrich Affair” constitutes a central focal point of this research:** protests against the historian’s exclusion from the Communist Party within the academic community and beyond thus demonstrated the porosity and mutual interactions of groups variously integrated into the system. Furthermore, Nekrich himself wavered between the poles of loyalty and dissent, showing the need to go beyond dichotomous categories.

Как вы определяете связь между действиями исследователей-диссидентов и процессами внутри интеллектуальной жизни в Советском Союзе?

ПОНЯТИЯ «ДИССИДЕНТ» И «ДИССИДЕНТСТВО»

In addition, this research also adds up to our reflection on Soviet dissent as a historical phenomenon and offers a new lens of analysis, by **examining the process of *becoming* a dissident**. I argue that **dissent was not a state of mind, a set of views or actions, but a personal trajectory**, which was determined both by an individual's *persistent* will to act according to his/her consciousness and by the evolution of the political context, which determined the labeling of such actions as subversive and the degree of repression to be meted out to their authors.

Как вы
определяете
понятия
«ДИССИДЕНТ»,
«ДИССИДЕНТСТВО»?

ПОНЯТИЯ «ДИССИДЕНТ» И «ДИССИДЕНТСТВО»

Two dimensions of dissent are significant for this research. The first is the personal dimension, the impact of dissent on the life of individuals. **At this level, a “dissident” is someone who repeatedly and consciously violates the regime’s legal norms or accepted rules of social behavior out of moral, political, religious, or ideological motives, deliberately incurring political repression.**⁶ Dissidence is thus a *type of behavior, rather than a way of being or thinking*, as implied by the Russian term *inakomysliashchii* (literally: “one who thinks differently”).

The second is the collective dimension, the transformative effects on society. From this point of view, dissent is constituted, following **Detlef Pollack’s and Jan Wielgohs’s definition**, by “all discourses and activities critical of the regime that constituted, or wished to constitute, **an autonomous sphere of public, political and cultural communication outside of the official institutions of the party state and which in so doing openly denied the claim of the regime to full control of public life.**”⁷ In other words, collective dissent creates **alternative public spheres** of communication, **breaking the monopoly of the totalitarian regime over the production of public discourse.**⁸

Как вы определяете
понятия
«ДИССИДЕНТ»,
«ДИССИДЕНТСТВО»?

Историки-диссиденты как группа

Dissident historians therefore deserve attention not only as individuals, but also **as a group, which collectively challenged the Soviet authorities to pursue the de-Stalinization course launched by the Khrushchev leadership** and to abide by its past promises in relation to Stalin's victims. **This study is the first to identify this group and to examine these figures jointly.**

Когда мы говорим о группе, мы обычно имеем в виду, что ее участники воспринимали себя как группу, идентифицировали себя как представителей той или иной группы.

Вопрос о расплывчатости этой группы возникает и при попытках обсудить границы понятия «диссидент».

Говоря об инстанциях принятия политических решений, вы говорите о фракциях, а в отношении историков-диссидентов употребляете слово «группа».

Насколько возможно говорить о группе в данном случае? О группе людей, о группе историков? К этому вопросу стоит добавить, что один из исследуемых вами авторов (Солженицын) принципиально подчеркивал свою не-принадлежность к той или иной группе.

Работы историков – диссидентов как работы одного жанра

Second, this study contributes to scholarship on Soviet historical writing by **identifying dissident historical research as a specific genre, distinct both from Soviet revisionist historiography of the 1960s**, which Roger Markwick has examined,³ **and from literary and autobiographical dissident works dealing with the same subjects.** Western historiography, while praising the courage of dissident authors, has generally been dismissive of this body of texts, which did not fit traditional scholarly standards, failing to grasp the specificity of their ethical and political functions as devices of **“truth-telling.”**

Вы говорите о работах историков-диссидентов как о специфическом жанре исторического исследования, отличном как от ревизионистской историографии, так и от автобиографических произведений диссидентов, посвященных схожей проблематике. Почему об этих работах можно говорить как об относящихся к одному жанру исследований? В чем специфика этого жанра?

Цели, характеристики, результаты работ этого жанра

How can we explain the emergence of this genre and which personal and political circumstances influenced it? What were its main defining characteristics and to what extent did it differ from traditional historiography, both Western and Soviet? And given the specific functions of dissident histories, how successful were they in achieving their authors' aims? I argue that an important defining characteristic of such works was **the heavy reliance on oral testimonies and memoirs, particularly of victims of political repression.**

Вы ставите вопрос о том, как можно объяснить возникновение этого жанра, какие личные и политические обстоятельства повлияли на него, каковы были его основные характеристики, в какой степени он отличался от западной и от советской традиционной историографии, в какой мере работы этого жанра достигали своих целей. Расскажите, пожалуйста, об ответах на эти вопросы.

...и особенно о
«расходящихся
правдах», о
ТОЧНОСТИ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ИСТОРИКОВ-
ДИССИДЕНТОВ.

Acknowledgments	xi
Note on transliteration and abbreviations	xiii
Introduction	1
Note on methodology and sources	6
1 The Party's Call to Denounce Stalin's Crimes	11
Anton Antonov-Ovseenko's duty to his father	13
Roy Medvedev: Writing for the Party	22
Aleksandr Nekrich: Pushing the limits of de-Stalinization	31
2 From a Reopening of the Stalin Question to a Closure of the Ideological Lid	39
A Mandate to end de-Stalinization	40
Opposition on the historical front	47
The Brezhnev compromise	56
3 Voicing Opposition to Stalin's Rehabilitation	61
A rebellious intelligentsia	62
From the Gulag to the anti-Stalinist barricades	69
The Nekrich Affair	75
4 Writing History through the Voice of the Repressed	83
<i>The Gulag Archipelago</i>	85
<i>Let History Judge</i>	94
5 Exiting the System	109
From the official field to the underground publishing world	109
Expulsion as a tool of repression	117
6 From "Inner Emigration" to Exile	133
Living in "Inner Emigration": Medvedev's fragile compromise with the authorities	135
Exile as the ultimate form of exit	145
7 Diverging Truths	157
Two truths about the Soviet past	159

Skirmishes on the historical battlefield	164
Between history and folklore	172
Dissident histories as ethical manifestos	179
8 Unleashing the Past	183
Perestroika and the resurgence of history	183
The belated return of dissident histories to the Soviet public	189
Questioning dissident histories' factual accuracy	197
Conclusion	205
Notes	211
Timeline of Events	256
Bibliography	264
Index	277

...и о рецепции их работ на Западе и в СССР во время Перестройки.

Структура работы

This study is structured along the main argument and follows the evolution of dissident researchers through various stages: from the official realm to the underground publishing world, and from an exit from the system through exile or inner emigration to a reintegration into the Soviet official sphere. The structure is both chronological and thematic: while the first chapter focuses on dissident researchers' attempts at finding an accommodation with censorship, Chapters 2 and 3 examine changes in the political and societal sphere, which in turn triggered a radicalization of the discourse of dissident authors, a phenomenon examined in the fourth chapter. The process of exit from Soviet official sphere is examined in Chapters 5 and 6, which focus on samizdat and tamizdat as manifestations of authors' and readers' desire to counter censorship, but also the sanctions incurred by authors who published in tamizdat. Life in exile and inner emigration then constituted the ultimate stage of this process. Chapter 7 examines the conflicts between dissident researchers and reactions of Western audiences to these works, emphasizing the characteristics of dissident histories as a specific genre, a theme already broached in Chapter 4. Finally, the eighth chapter examines the reception of dissident histories in the Soviet Union during Perestroika.

Если бы вам нужно
было выбрать самые
важные тезисы из вашей
книги, какие это были бы
тезисы?

Спасибо!

Первый семинар из цикла

Библиотека инакомыслия /

The dissident library

Вопросы подготовила и вела беседу

Ольга Розенблюм

Международный
Мемориал